

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА 70—80-х гг. XX в.

Несомненно, в связи с 70-летием исторического факультета БГУ в 2004 г. будет сказано немало добрых и теплых слов, выражено сердечных признаний, написано взволнованных приветствий. Конечно же, будут радостные

282

встречи выпускников прошлых лет. Для каждого из прошедших эту замечательную школу истфак стал, как это поется в песне, той самой проходной, которая вывела в люди не одно поколение. Для многих-многих людей слово «историк» означает не просто сухую запись в дипломе о высшем образовании, а состояние души и цель всей творческой жизни.

Эти заметки, навеянные личными предъюбилейными воспоминаниями, ни в коем случае не претендуют на исчерпывающую полноту и научную объективность. Они написаны бывшим студентом исторического факультета конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. и, возможно, в малой степени воскрешат высокий дух исторического сообщества университета тех незабываемых лет. Для автора этих строк вхождение в это сообщество состоялось в 1977 г.

В то время истфак занимал пятый и шестой этажи главного корпуса БГУ. Авторитет факультета был велик во все годы его существования, а в то время особенно. Конкурс превышал 12 человек на одно место. В те годы на факультете готовились специалисты по истории, философии и экономике. Самый большой набор традиционно объявлялся на отделение истории.

Одним из первых ярких впечатлений студентов-первокурсников был исторический музей и Музей истории БГУ, размещавшийся в левом крыле пятого этажа, недалеко от деканата. В декабре 1977 г. тогдашним ректором В. М. Сикорским были предприняты решительные шаги по модернизации музеев и повышению их статуса. Коллекция исторического музея была предметом особой гордости преподавателей и специалистов. Кроме того, она отличалась разнообразием и впечатляла студентов-«новобранцев» содержательностью экспозиции. Здесь были представлены результаты многолетних археологических раскопок, древние и современные монеты, геральдические экспонаты, огромный фотографический материал, предметы сельского быта, не говоря уже о личных вещах выдающихся выпускников, которые составляли основу музея истории университета. Экскурсия первокурсников, только-только начинавших свой диалог с историческим прошлым, преследовала, вероятно, профориентационную цель и немало способствовала повышению познавательного интереса к предстоящему обучению.

К тому времени история деятельности факультета отсчитывала пятый десяток лет и были накоплены ценные традиции в научной жизни и профессиональной подготовке будущих специалистов. Проводились неформальные встречи с преподавателями — ветеранами войны, с бывшими выпускниками и другими интересными людьми. Заканчивая первый курс, студенты хорошо представляли основные направления научной деятельности сотрудников факультета и были знакомы с их научными трудами. Кроме того, со-

283

традиция проведения ежегодных научных чтений, посвященных памяти сотрудников и коллег В. И. Пичеты — В. Н. Перцева и Н. М. Никольского. Большая роль исторического факультета в жизни всего университета и научного сообщества объяснялась не только идеологическими причинами. Его высокий статус своим авторитетом поддерживали ведущие профессора и преподаватели истфака.

Центром и мозгом всей сложной иерархии факультетской жизни все годы оставался декан. Он силой своей власти как бы заставлял все быстрее и целенаправленнее осуществлять жизнедеятельность вверенного ему подразделения, стимулировал научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность.

В конце 70-х — начале 80-х гг. деканом факультета работала профессор И. О. Царюк. Она в значительной степени смогла стимулировать дисциплинированность как преподавателей, так и студентов. Нельзя сказать, что студенты боялись декана, но относились с неизменным чувством уважения и почтительности.

Для меня первым преподавателем, которого я увидел в главной аудитории истфака (№ 605), по тем временам оборудованной по последнему слову техники, был доцент, а сейчас профессор археологии Эдуард Михайлович Загорульский. Археология тогда, как и в настоящее время, читалась на первом курсе. У моих однокурсников преподаватель оставил самое благоприятное, с годами не стершееся в памяти, впечатление.

Одетый по последнему слову моды, что называется «с иголочки», аккуратный, подтянутый, в свежей светлой сорочке и строгом костюме, при галстукке спокойной расцветки, он привлекал, прежде всего, обаянием и интеллигентными манерами собеседника. Рассказывал он не повышая голоса, может быть, даже тихо, что, признаться, было необычно после шумных школьных уроков. Тем не менее успокаивать аудиторию преподавателю не приходилось, хотя с непривычки записывать было трудно (к сожалению, до сих пор навыку конспектирования в школе не уделяют внимания; это затрудняет учебную деятельность первокурсника).

Уже тогда на практических занятиях по археологии использовались элементы программированного обучения. И здесь университет шел впереди своего времени. Собственно, отметкой по археологии открывалась студенческая зачетная книжка будущего историка. Думается, что мудрость Э. М. Загоруйского как преподавателя заключалась еще и в том, что двоеч и троеч первокурсникам он не ставил. Управление учебно-познавательной деятельностью студентов заключалось в другом — активная работа в семестре, стимулирование самостоятельной работы с источниками, индивидуализация

обучения, наконец, говоря современным педагогическим языком, личностно-ориентированное обучение.

У студентов истфака многих поколений самые теплые и веселые воспоминания связаны с летней археологической практикой после окончания первого курса. Продуманная в деталях, организация этой практики предполагала рациональное совмещение профессиональных занятий археологией и отдыха после сессии. В каких только заповедных местах Беларуси не побывали студенты-археологи БГУ! Для студентов 70-х гг. особые воспоминания связаны с селом Вишин Рогачевского района. Жизнь на свежем воздухе, в палаточном городке на живописном берегу Днепра была очаровательна и романтична. Здесь зарождались дружба и любовь, звучали бардовские песни, читались стихи. А сколько оставалось на память фотографий — тех, любительских, черно-белых, невысокого качества, в отличие от современных, но таких дорогих сердцу! Если посмотреть на фотографии тех лет, то вряд ли увидишь на них безучастные и равнодушные лица. Все воспринималось восторженно, с подъемом: предметы быта, найденные при раскопках, обед у костра, купание в Днепре, поход за грибами...

Лучшее место и время для формирования исследовательских умений и навыков будущего специалиста-археолога трудно было придумать. Даже если специализация после третьего курса выбиралась другая, все равно археологическая практика оставалась одним из самых счастливых воспоминаний на всю последующую жизнь. Тем более, что однажды найденные в земле вещи и раритеты далеких столетий со временем занимали свое законное место в историческом музее БГУ, и каждый желающий мог прийти полюбоваться на них в любое время.

Кто еще запомнился из преподавателей исторического факультета тех лет?

Лев Михайлович Шнеерсон — потомственный ленинградец, он, будучи еще аспирантом, в 1930-е гг. приехал в Минск и всю свою жизнь посвятил историческому факультету БГУ. Жил он недалеко от университета, и его часто можно было видеть на Ленинском проспекте.

Безоглядная влюбленность в историческую науку, безукоризненное знание европейских событий и людей XIX в., интеллигентность, рассудительность, искренность, порядочность и вообще доброе отношение к окружающим людям — все это, вместе взятое, вызывало искренние чувства глубокой симпатии к этому человеку. В его внешнем облике и глубоких познаниях истории нового времени что-то было родственное с другим выдающимся историком — Евгением Викторовичем Тарле, которого он чтит и высоко ставил. Курс новой истории читался художественно, характеристика исто-

рических личностей сопровождалась образными сравнениями и крылатыми выражениями. На выпускном вечере Л. М. Шнеерсон читал стихотворение Ярослава Смелякова «История не терпит суесловья...». Пожалуй, именно в этих поэтических строках и заключалось жизненное кредо ученого и преподавателя. Современник самых ярких и судьбоносных событий XX в., он прожил большую и счастливую жизнь.

Григорий Маркович Трухнов... Сколько легенд было сложено об этом колоритном и незабываемом человеке! Ветеран войны, он прошел ее от звонка до звонка, а затем почти сорок лет посвятил историческому факультету. Авторитет Г. М. Трухнова был необыкновенно велик. К его слову прислушивались ученые, руководители, преподаватели. Его лукавые, ироничные фразы, приправленные настоящим, только что рождавшимся юмором, произносились без тени улыбки, но попадали при этом «в десяточку» и тут же ловились студентами и щедро передавались следующим поколениям. Жаль только, никто не записывал эти блестящие выражения, становившиеся крылатыми.

На первый взгляд в облике Г. М. Трухнова ничего сверхъестественного не было. В конце 70-х — начале 80-х гг. протекал последний период его жизни. Небольшого роста, чуть сутулый, к одежде особо невзыскательный, необыкновенно скромный человек, ни при каких обстоятельствах не выпячивавший своих заслуг (а они у него были и немалые!) — таким остался этот ученый и преподаватель в памяти коллег и

студентов. Но как заметно оживала любая аудитория, зная, что сейчас прозвучит что-то нетипичное, нетрадиционное для того времени. И надо было видеть, каким искренним, неподдельным смехом отвечали шуткам Григория Марковича окружающие! Таким же нетрадиционным и непредсказуемым он был и на экзамене, легко мог сразить незнающего студента одной убийственной фразой, от которой многим приходилось краснеть.

Пожалуй, первые два портрета обязательно должны быть дополнены еще одним. Гиллер Маркович Лившиц прославился прежде всего тем, что был дважды доктором — исторических и философских наук. Картина, скажем прямо, нетипичная не только для того времени, но и для наших дней. По уровню и глубине познаний в разных областях исторического знания он был под стать Л. М. Шнеерсону и Г. М. Трухнову, с которыми находился в дружественных отношениях, что не ускользало от цепкого взгляда студентов. Настоящий труженик науки, автор многих популярных в свое время монографий и учебных пособий, он был человеком доверчивым и чистосердечным.

Можно с уверенностью сказать, что эта замечательная тройка — Г. М. Лившиц, Г. М. Трухнов и Л. М. Шнеерсон — являлась не только гор-

достью факультета, но более того, живым его воплощением. Их имена были постоянно на устах. В затруднительных случаях всегда обращались к мэтрам исторического факультета. Да и работали они долгое время на одной кафедре — истории нового и новейшего времени. Так и остались в памяти нераздельно. С их уходом факультет осиротел.

Почему же для студентов годы обучения остаются незабываемыми? Вопрос во многом риторический, тесно связанный с особенностями возрастного развития личности студента.

Поздняя юность — это последняя ступенька перед наступлением человеческой зрелости. И знания, и опыт, приобретаемые на этом ответственном рубеже, остаются фундаментальной основой в процессе формирования будущего специалиста. Лавина новых впечатлений, масса искушений, студенческая дружба, проверка нравственных качеств и идеалов, ощущение причастности к любимому делу — видимо, все это во многом и определяет путь личностного и профессионального становления.

Спектр специальностей и специализаций, которые давал своим выпускникам исторический факультет, уже в те годы был достаточно разнообразен и широк. Конечно, сегодня можно безбоязненно бросить упрек в адрес известной заидеологизированности профессиональной подготовки тех лет. Действительно, в учебном плане факультета определенное место занимали учебные дисциплины, навсегда ушедшие в историю. Да, требовали на экзаменах и зачетах полного знания всех партсъездов, пленумов и конференций. Это было анекдотично до такой степени, что сдать без шпаргалки было практически невозможно. Но было бы несправедливо обвинять во всем тех преподавателей и руководство факультета. Это пласт истории, который не вынуть и не вычеркнуть из памяти. К тому же многие преподаватели этих псевдонаук были людьми мудрыми, щедрыми, понимающими психологию студента.

Добрейший и мягчайший Всеволод Михайлович Сикорский остался в памяти не автором списанных самой историей учебников, а замечательным лектором, мастером устного слова. Не повышая голоса, не сверкая грозным ректорским взглядом, не пытаясь нагнать страх, он рассказывал неторопливо и вдумчиво, так, как умел и знал.

Жизнь студенчества была заполнена до предела. Дни науки, дни факультета, занятия в научном обществе и кружках факультета общественных профессий, конкурсы самодеятельности, спортивные соревнования — всего просто не перечислить. Однако стоит заметить, что общественная работа заметно сплачивала и объединяла студентов в единый целостный коллектив единомышленников. Поэтому и учиться, и работать было интересно, задор-

весело. Если к этому прибавить еще участие в студенческих строительных отрядах (а география студенческих строек исторического факультета достаточно обширна) и знаменитую ежегодную «картошку», то даже нынешнему поколению станет абсолютно понятным смысл и аромат студенческой жизни тех лет. Может быть, именно поэтому можно отличить выпускника истфака от других людей. И не случайно питомцам факультета есть о чем поговорить, даже если время их учебы разделяют многие годы.

Лев Николаевич Толстой когда-то выделил важное для педагогики понятие «дух школы». Он писал: «Есть в школе что-то неопределенное, почти не поддающееся руководству учителя, что-то совершенно неизвестное в науке педагогики и вместе с тем составляющее сущность, успешность учения, — это дух школы» [1, с. 173]. Есть все основания говорить о том, что был и остается свой особый и неповторимый дух исторического факультета, который роднит и сплачивает братство историков вне временных границ и каких-либо препятствий.

Еще одной характерной особенностью учебного процесса исторического факультета являлось выделение сравнительно большого количества часов на изучение латинского языка. Известно, какое громадное

значение придавалось так называемым «мертвым» языкам в средних и высших учебных заведениях дореволюционной России. Важнейшей задачей изучения латинского языка в классическом университете считается формирование не только профессиональной, но и общей культуры будущего специалиста-историка, углубление знаний по истории античности, выработка эмоционально-ценностного отношения к событиям и людям Древнего Рима. Программа итогового экзамена была достаточно трудоемка и требовала немалой усидчивости и подготовленности студента. Она включала знание оригинальных текстов, стихотворных форм, латинских крылатых выражений и афоризмов, а также умения переводить. Понятно, что для выполнения этой работы требовался немалый словарный запас. Занятия латинским языком способствовали развитию риторских умений и навыков, приучали выражать свои мысли точнее, красочнее и более емко.

Среди других преподавателей латинского языка своим внешним обликом и широкой эрудицией отличалась доцент, а теперь профессор филологии, Нинель Афиногеновна Гончарова, получившая в свое время основательное гуманитарное образование в Москве. В то время вышел из печати первый на Беларуси учебник латинского языка, предназначенный для студентов-заочников. Нинель Афиногеновна была его автором. Занятия проходили в форме свободного диалога и по своему содержанию выходили за пределы обязательной программы.

Теперь часто приходится встречать или слышать утверждения о том, что советская система образования была целиком авторитарной. Тем не менее было бы несправедливо и глубоко ошибочно обвинять университетских преподавателей 70—80-х гг. в авторитаризме, давлении на личность студента, унижении или в подобных грехах, на которых безосновательно акцентируют внимание авторы некоторых публикаций и диссертационных исследований.

Иногда задают вопрос: какие студенты лучше — вашего поколения или нынешние? Сравнить всегда достаточно трудно, тем более людей. Здесь должны быть определенные критерии или показатели. Для нынешних студентов предоставлены неплохие возможности для самореализации, практически без проблем можно осуществлять ознакомительные поездки в зарубежные вузы по линии благотворительных гуманитарных фондов. Часть студентов одновременно с обучением в Alma mater проходит профессиональную подготовку и получает высшее образование в университетах европейских стран и США. Понятно, что таких возможностей для самореализации в 70—80-е гг. быть не могло. Тем более, что с тех пор уровень высшего образования неизмеримо возрос и сама система университетского образования развивается на качественно иной основе. Дистанционная система обучения, получение образования на платной основе, рост компьютерных сетей, технологизация — все это вошло в жизнь и стало неотъемлемым атрибутом университетского образования наших дней. Поэтому современный студент, в отличие от своих предшественников двадцати- и тридцатилетней давности, обладает большими возможностями свободного выбора, хорошо разбирается в вопросах текущей политики и экономики, охотно участвует в разнообразных дебатах и дискуссиях, в случае необходимости может получить дополнительное образование и т. д. В этом и состоит логика развития современного высшего образования. При этом важно, не сбавляя темпов развития, бережно относиться к накопленному опыту и ценным традициям, которыми с полным правом может гордиться наш факультет.

С юбилеем тебя, дорогой истфак, всех твоих преподавателей и студентов, будущих абитуриентов и выпускников прошлых лет! Долгих лет процветания на радость всем нам!

С. А. Пуйман